

Е. А. Покровская, Е. В. Кудинова  
Ростов-на-Дону, Россия

E. A. Pokrovskaya, E. V. Kudinova  
Rostov-on-Don, Russia

**ИНСТРУКЦИОННО-ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЕ  
НАДПИСИ КАК ИНСТРУМЕНТ  
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

**REGULATION AND INTERDICT  
LETTERINGS AS A TOOL  
OF IDEOLOGICAL INFLUENCE  
(in Russian and Italian languages)**

(на материале русского и итальянского языков)

(in Russian and Italian languages)

**Аннотация.** *Инструкционно-запретительные надписи — это публичные объявления, регулирующие поведение людей в общественных местах. Они являются одним из инструментов идеологического воздействия, тем более мощным, что воздействие это является неосознанным и многократным. В рамках настоящей статьи авторы осуществляют сопоставительный анализ русских и итальянских инструкционно-запретительных надписей, которые, будучи близкими по содержанию, отличаются по форме, обладают национальной спецификой и могут немало рассказать о характере народа, их создающего.*

**Abstract.** *Regulation and interdict letterings are public announcements which govern people behaviour in public places. They are one of the tools of ideological influence. They are more powerful because their influence is unconscious and repeated. In this article the authors perform comparative analysis of Russian and Italian regulation and interdict letterings which being similar in content differ in a form, have national specifics and can tell about a character of the nation which creates them.*

**Ключевые слова:** *инструкционно-запретительные надписи; механизмы идеологического воздействия; политический дискурс.*

**Key words:** *regulation and interdict letterings; mechanism of ideological influence; political discourse.*

**Сведения об авторе:** *Покровская Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, факультет филологии и журналистики.*

**About the author:** *Pokrovskaya Elena Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language, Faculty of Philology and Journalism.*

*Place of employment: Southern Federal University.*

*Место работы: Южный федеральный университет.*

**Контактная информация:** *344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.*

*e-mail: orlet16@virgilio.it.*

**Сведения об авторе:** *Кудинова Екатерина Владимировна, бакалавр филологии, магистрант кафедры русского языка, факультет филологии и журналистики.*

**About the author:** *Kudinova Ekaterina Vldimirovna, Bachelor of Arts, Competitor for Masters Degree in the Russian Language, Faculty of Philology and Journalism, Chair of the Russian Language.*

*Place of employment: Southern Federal University.*

**Контактная информация:** *344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.*

*e-mail: melany18@mail.ru.*

Инструкционно-запретительные надписи — широко распространенное явление, с которым мы постоянно сталкиваемся в повседневной жизни. Это публичные объявления, цель которых — регулировать поведение людей в общественных местах: они запрещают посетителям музеев трогать руками произведения искусства, напоминают уважаемой публике о необходимости выключить мобильные телефоны на время спектакля, сообщают покупателям о том, что они находятся под видеонаблюдением, и предлагают по этому поводу улыбнуться, призывают пассажиров общественного транспорта «быть взаимно вежливыми...» и т. д. Однако помимо этой чисто практической функциональной цели они имеют и другую, не столь заметную на первый взгляд. Инструкционно-запретительные надписи вольно или невольно служат одним из средств идеологического воздействия (хотя и не столь эффективным и очевидным, как пламенные речи, произносимые политическими лидерами на митингах, или агитационные плакаты). Средством тем более мощным, что мы этого не

замечаем, с детства привыкаем видеть их вокруг, не обращаем на них внимания и даже не подозреваем о том, что они (наряду со сказками, которые нам рассказывают бабушки, с книгами, которые мы читаем, с фильмами, которые мы с восхищением смотрим и т. д.) определяют нашу картину мира и систему ценностей. Они влияют на наше восприятие мира исподволь, но весьма значительно, поскольку данное воздействие, во-первых, является неосознанным для адресата, а во-вторых, многократным (ведь такие надписи постоянно перед нашими глазами: в магазинах, банках, кафе, спортзалах). Инструкционно-запретительные надписи кажутся на первый взгляд незначительными и не заслуживающими внимания, чисто функциональными объявлениями, однако, проанализировав их, понимаем, что они могут немало рассказать о характере народа, их создающего, и восприятии им мира.

Русские и итальянские инструкционно-запретительные надписи являются близкими по содержанию, что неудивительно, ведь правила

поведения в обществе являются схожими во всех цивилизованных странах: итальянцы не меньше русских не любят мусор на улицах, курение и громкие разговоры по телефону в общественных местах, вторжение посторонних в предназначенные для сотрудников помещения и т. д. Иногда запреты в двух странах дословно дублируют друг друга (например: «E' vietato introdurre I cani» — «Вход с собаками запрещен»). Однако в большинстве случаев инструкционно-запретительные надписи, являясь идентичными — или практически одинаковыми — по содержанию, весьма значительно отличаются по форме. Язык предоставляет бесконечные возможности для варьирования, и одни и те же запреты и инструкции можно выражать разными способами, что становится очевидным при сравнении конкретных объявлений.

Так, например, типичному для всех русских музеев объявлению «Руками не трогать» соответствует куда более пространный итальянский вариант «Per favore non toccate le sculture. Le superficie possono essere deneggiate anche dalle mani pulite» («Пожалуйста, не трогайте скульптуры. Поверхность может быть повреждена даже чистыми руками»). Сразу же привлекает внимание слово «пожалуйста», с которого начинается итальянское объявление. Отметим также, что итальянцы, формулируя запрет, одновременно и аргументируют его. Примечательны и грамматические формы, использованные в данных инструкционно-запретительных надписях: в итальянском объявлении глагол употребляется в форме повелительного наклонения (*non toccate*), в то время как в русском видим запретительный инфинитив — безличную форму, выражающую запрет в самой категорической и безапелляционной манере. Если мы зададимся вопросом, чем «Встаньте!» (или даже «Встань!») отличается от «Встать!», а «Дай!» (и тем более «Дайте!») — от «Дать», то поймем, что второй вариант является более строгим, не терпит возражений, в то время как при первом остается потенциальная возможность возразить и не послушаться. К такому выводу на интуитивном уровне приходят даже не обладающие филологическим образованием носители языка. Филологи объясняют это тем, что повелительное наклонение, несмотря на то что выражает побуждение к действию, все-таки является личной формой глагола, а следовательно, предполагает некую реакцию со стороны адресанта или по крайней мере допускает его существование, в то время как инструкция в форме безличного инфинитива не предполагает диалога и какой-либо реакции. В этом состоит разница между императивом и запретительным инфинитивом, и в этом разница между «Non toccata» и «Не трогать».

Рассмотрим еще один пример. На двери русского магазина читаем: «Дамы и господа! Просьба в магазин в купальных костюмах не заходить. Имейте совесть!» Примечательно,

что начинается объявление с подчеркнуто куртуазного обращения «дамы и господа» (которым пользуются шикарно одетые светские люди на роскошных вечеринках и которое пока еще мало ассоциируют с собой простые россияне, отдыхающие летом в городе Геленджике и покупающие шоколадки в этом маленьком продуктовом магазинчике), а заканчивается просторечным и повышено экспрессивным восклицанием: «Имейте совесть!» Совсем другое объявление, тоже касающееся формы одежды, видим на двери итальянской церкви: «La Cattedrale piu' che la porta ti apre il cuore. Rispettala con il silenzio e con il tuo abbigliamento. Grazie» («Храм гораздо шире, нежели дверь, распаивает перед тобой свое сердце. Прояви свое уважение к нему молчанием и надлежащей одеждой. Спасибо»). В основе данного объявления лежит метафорическое сравнение (дверь — сердце), которое настраивает входящего в святую обитель на соответствующий лад. А в конце адресата благодарят.

В аэропорту города Римини нами было обнаружено объявление на итальянском языке, дублированное по-русски, что связано с большим количеством русских туристов, пользующихся данным аэропортом. Однако фразу «Уважаемые пассажиры! Не пересекать красную линию» никак нельзя считать эквивалентом итальянского варианта «Per motivi di riservatezza si prega di rispettare la linea gialla» («По соображениям охраны личного пространства просят уважать красную линию»). Адекватно перевести данное объявление очень не просто, поскольку в нем употреблено слово «riservatezza», не имеющее аналога в нашем языке. Его можно перевести описательно, с помощью словосочетания (личное пространство, индивидуальное пространство), или же использовать иноязычное заимствованное слово «конфиденциальность», или же провести параллели с английским словом «privacy», которому посвящено множество лингвокультурологических исследований. Однако русскому человеку с его соборностью, коллективизмом, любовью к общению и разговорам по душам трудно понять, что же это такое и почему кому-то может быть неприятно, если ему заглядывают через плечо, чтобы прочитать, откуда он прилетел или куда направляется. Привлекает внимание тот факт, что в данном объявлении используется глагол «rispettare» («уважать») применительно к существительному «линия».

И русское, и итальянское общество (как и любое цивилизованное общество) негативно относится к мусору на улицах, однако по-разному призывает своих членов поддерживать чистоту. Всем нашим соотечественникам, безусловно, не раз встречалось объявление «Не сорить», где используется безличный запретительный инфинитив — безличная грамматическая форма, служащая для выражения запрета в самой строгой, безапелляционной манере

(она же используется в командах для собак: «Сидеть!»). В Италии в сходной ситуации употребляется повелительное наклонение: «Tieni Venezia pulita» («Содержи Венецию в чистоте»), которое является личной формой (а следовательно, адресату оставляется возможность — хотя бы теоретическая — взбунтоваться, возразить, не выполнить приказ). С той же грамматической формой сталкиваемся и в объявлении: «La stazione e' anche la tua. Aiutaci a mantenerla pulita» («Вокзал принадлежит и тебе тоже. Помоги нам содержать его в чистоте»). Примечательно, что как в первом, так и во втором итальянском объявлении употребляется форма повелительного наклонения 2 лица единственного числа («ты»), однако нам представляется, что ее коннотативная окраска сильно отличается от той, которая присутствует в русском объявлении с аналогичной грамматической формой: «Въехал в район — не мусори». Создается впечатление, что итальянское «ты» призвано сократить коммуникативную дистанцию между адресатом и адресантом, сделать общение более неформальным, интимизировать его, в то время как русское «тыканье» воспринимается как оскорбительное, унижительное. Читателя итальянского объявления как будто приглашают вступить в общество людей, которым небезразличны судьба города и чистота вокзала, стать частью группы, не считать себя кем-то отдельным, кого не касается все то, что происходит вокруг, принять участие в общем деле поддержания порядка. Совсем иначе звучит русское объявление «На прилегающей территории ВЕТ CITY — не мусорить», по прочтении которого возникает вопрос: «А не рядом с вашим магазином — можно?»

Хорошо известное всем нашим соотечественникам объявление «Вход с собаками воспрещен» имеет практически дословное итальянское соответствие «E' vietato introdurre I cani», однако помимо этого — очень официального — варианта встречаются и другие, менее формальные — нарисованные собаки, которые «говорят»: «Io non posso entrare» («Я не могу войти»), «Noi aspettiamo fuori» («Мы ожидаем снаружи»), «Noi rimaniamo fuori» («Мы остаемся снаружи»).

С собаками связано и другое популярное русское объявление, украшающее заборы множества частных домов на просторах нашей родины: «Осторожно! Злая собака». Собаки есть и в Италии, однако в словах «Attenti al cane» («Обратите внимание на собаку») нет угрозы, желания запугать прохожего.

При сопоставлении объявления «Берегись автомобиля» с итальянским вариантом — «Macchine in movimento» («Машины в движении») — замечаем, что во втором нет приказа или инструкции — адресату лишь предоставляется некая информация, но выбор остается за ним, никто не имеет права приказывать ему.

Подобные выводы делаем и при сравнении объявления «Не влезай! Убьет!» с итальянским

«Alta tensione» («Высокое напряжение»), где нет никакого запрещения и приказа, а лишь сообщается о некоем факте действительности — личность же остается вольна сама принимать решение и действовать тем или иным образом. По мысли итальянцев, никто не имеет права навязывать вам что-то и насильно врывать в вашу жизнь.

Вполне ожидаемо, что глагол «vietare» — одна из самых употребительных лексем в итальянских инструкционно-запретительных надписях, подобно глаголу «запрещать» — в русских. Однако данные слова, являясь близкими по значению, не могут быть признаны полными аналогами. Итальянский глагол «vietare» имеет синоним «proibire», который употребляется в случаях, когда речь идет о ненарушимом запрете, почти табу (например: «Ai musulmani e' proibita la carne suina» — «Мусульманам запрещена свинина»). Этот глагол достаточно редко употребляется в речи и не встречается в инструкционно-запретительных надписях.

Отличается также восприятие русскими и итальянцами грамматической формы повелительного наклонения, которое в русском языке используется в самых разнообразных контекстах: с помощью императива можно и отдавать приказания солдатам, и умолять о спасении, и униженно просить о чем-то, в то время как для итальянца данная грамматическая форма ассоциируется прежде всего с военным приказом. Используя итальянский язык не рекомендуют использовать императивы, когда они хотят о чем-то попросить (для этого гораздо лучше подходит условное наклонение — *modo condizionale*). Разговаривая, носители итальянского языка сравнительно редко употребляют императивы. Избегают их и в инструкционно-запретительных надписях (за исключением тех случаев, когда речь идет о риске для жизни: «Non toccate I fili. Pericolo di morte» — «Не трогайте провода. Опасно для жизни»). Носители итальянского языка избегают категоричных, беспелляционных приказов, предпочитая другие, более мягкие формы. Так, например, крайне употребительной в итальянских инструкционно-запретительных надписях является грамматическая форма *si-passivante*, соответствующая русским неопределенно-личным предложениям («Si prega di portare I documenti n originale e fotocopia» — «Просят предоставлять документы в оригинале и ксерокопии», «Si ricorda che e' obbligatorio portare con se i seguenti documenti <...>» — «Напоминают, что обязательно предоставление следующих документов <...>»).

Статистические данные позволяют утверждать, что в русских инструкционно-запретительных надписях доминирующая позиция принадлежит запретительному инфинитиву. В итальянском языке подобная грамматическая форма просто невозможна, поскольку инфини-

тив в сочетании с запретительной частицей «non» («не») используется и, соответственно, воспринимается носителями языка как отрицательная форма повелительного наклонения (становясь, таким образом, личной формой). Поясним на примере: по-итальянски «Parlare» — «Говорить», «Parla!» — «Говори!», а «Non parlare» — «Не разговаривай». Или же: «Rispondere» — «Отвечать», «Rispondi!» — «Отвечай!», «Non rispondere!» — «Не отвечай!». Таким образом, запретительного инфинитива в итальянском языке нет, а в классической фразе «Non fumare», переводящейся дословно как «Не курить», носители итальянского языка видят форму повелительного наклонения («Не кури»). В итальянской языковой картине мира не находится места для безличной запретительной формы, при употреблении которой адресат не принимается во внимание и не предполагается никакой реакции с его стороны. Итальянская культура составляет часть европейской, для которой традиционным является пристальное внимание к свободе и правам личности. Европейцы ни на что не променяют право самостоятельно принимать решения и не приемлют приказы «сверху». В отношении русских, напротив, можно говорить о наличии в их сознании представления о существовании высшей руководящей инстанции, которая имеет право раздавать «ценные указания» и определять действия конкретного человека в той или иной ситуации (причем в крайне категоричной и безапелляционной манере — с помощью запретительного инфинитива) и инструкциям которой он следует. Нам представляется, что готовность подчиниться властным органам, которые, хотя и ограничивают свободу человека, тем не менее упорядочивают, структурируют жизнь и избавляют его от ответственности за ошибки, является одной из особенностей русской ментальности, в то время как европеец, напротив, ни на что не променяет свое право самому делать выбор и решать, как поступить в той или иной ситуации, даже если это решение окажется ошибочным, неверным. Еще в эпоху античности в рамках европейской культуры сложилось представление о ценности личности как творца, самостоятельно формирующего не только собственную жизнь, но и мир вокруг себя. Русские люди, напротив, воспринимают власть как нечто внешнее по отношению к себе, на что не в состоянии повлиять каждый отдельный человек (показательно, что становление русской государственности началось с призвания иноземцев-варягов, а сами русские не могли или не хотели установить порядок в собственных землях; вспомним также, что Н. А. Бердяев сравнивал Россию с невестой, вечно ожидающей жениха, который придет и преобразит ее жизнь). Русские всегда мыслили себя как совокупность людей, а европейцы — отдельными индивидуальностями, каждая из которых способна повлиять на судьбу общества (в этом — истоки великой

европейской мечты о демократии).

Однако исключительно подчиненной позицией и фаталистическим приятием указаний «свыше» не исчерпываются отношения русских людей со властными органами. Н. Бердяев отмечал в русских сосуществование «жуткой покорности», сервилизма и безграничной свободы. Он писал о страннической сущности русских людей, их непрерывном и напряженном духовном поиске, в котором они обретают безграничную, беспредельную свободу, по сравнению с которой ничтожными кажутся чисто земные ограничения гражданских прав (которые, тем не менее, являются бесконечно значимыми для европейцев). «Здесь тайна русского духа. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем; к абсолютной свободе и абсолютной любви. Но в природно-историческом процессе царит относительное и среднее. И поэтому русская жажда абсолютной свободы на практике слишком часто приводит к рабству в относительном и среднем и русская жажда абсолютной любви — к вражде и ненависти. <...> Добыть себе относительную общественную свободу русским трудно не потому только, что в русской природе есть пассивность и подавленность, но и потому, что русский дух жаждет абсолютной Божественной свободы. <...> Русские постоянно находятся в рабстве в среднем и относительном и оправдывают это тем, что в окончательном и абсолютном они свободны. <...> Русский дух хочет священного государства в абсолютном и готов мириться с звериным государством в относительном. Он хочет святости в жизни абсолютной, и только святость его пленяет, и он же готов мириться с грязью и низостью в жизни относительной» [Бердяев 2007: 38—39]. Таким образом, мы можем говорить о разных пониманиях свободы в двух культурах: если для европейца важна свобода гражданская, юридическая (ее скорее можно назвать независимостью), то русские люди стремятся к свободе духа. Первая связана с настоящим и ориентируется на материальный мир, а вторая — с будущим и тяготеет к миру трансцендентальному, идеальному.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают обращения на «ты» и на «вы» в инструкционно-запретительных надписях. В русской культуре обращение на «вы» является показателем уважения, а «тыканье», напротив, воспринимается как пренебрежение и оскорбляет человека. Не случайно в современных русских инструкционно-запретительных надписях (особенно тех, которые размещаются в предприятных сферы услуг, — в ресторанах, магазинах, банках) отмечаем тенденцию писать «Вы» с большой буквы. Составители таких объявлений, заинтересованные в клиентах, не прочь польстить адресату, и таким образом пытаются подчеркнуть свое уважение к нему, хотя подобное написание местоимения противоречит

нормам русского языка: допускается написание местоимения второго лица с прописной буквы только по отношению к одному конкретному человеку, который известен пишущему, но никак не применительно к неопределенному множеству людей, каковым является адресат инструкционно-запретительных надписей. Объявления, содержащие обращение на «ты», напротив, воспринимаются русскими людьми как грубые и неуважительные, ассоциируются с военными приказами («Водитель! Въехал в район — не мусори»; «Стой! Предъяви пропуск»; «Не влезай — убьет»). Итальянцы гораздо проще и быстрее русских переходят на «ты» при реальном общении (так, например, подобное обращение не является невозможным между студентом и преподавателем, в то время как в нашей культуре, где до недавнего времени на «Вы» обращались даже к родителям, это представляется диким), а в инструкционно-запретительных надписях прибегают к данной форме, чтобы сделать общение более неформальным, дружеским, сократить коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом, а не выказывать пренебрежение («Usa la tessera sanitaria per prenotare I servizi agli sportelli. Così ci aiuterai a servirti meglio» — «Используй страховой полис, чтобы заказывать услуги. Так ты сможешь нам лучше обслуживать тебя»; «Tieni Venezia pulita» — «Содержи Венецию в чистоте»; «La stazione e' anche la tua. Aiutaci a mantenerla pulita» — «Вокзал принадлежит и тебе тоже. Помоги нам содержать его в чистоте»).

В постсоветскую эпоху русские инструкционно-запретительные надписи претерпели известные изменения. С момента развала Советского Союза радикальным образом изменилась наша жизнь, наш взгляд на мир, наши ценности и приоритеты, наш менталитет, что и обусловило новшества в области инструкционно-запретительных надписей. Наиболее поверхностным и бросающимся в глаза фактом является повышенная куртуазность современных инструкционно-запретительных сообщений. В наибольшей мере это касается тех объявлений, которые функционируют в предприятиях сферы услуг — в ресторанах, магазинах, банках, спортзалах и т. д. Это неудивительно, ведь с развитием рыночной экономики, частного предпринимательства, конкуренции адресант стал заинтересован в адресате (клиенте). Такая позиция обусловила появление многих выражений: «Дамы и господа» (часто — «Глубокоуважаемые дамы и господа»), «обращаем ваше внимание», «по причине», «спасибо» и т. п., которыми пестрят кафе и театры. Однажды нам встретилась надпись «Машины не парковать», под которой было дописано: «Уважаемые граждане!» — как будто автор сначала написал требование, а потом подумал и решил сделать свое объявление более вежливым. В последние годы в магазинах появились льстиво-любезные надписи вроде «Наш люби-

мый клиент» или «Вы отлично смотрите» на зеркалах. Подобные сообщения трудно (чтобы не сказать — невозможно) себе представить в советских общественных местах. Все более многочисленными становятся инструкционно-запретительные надписи, которые можно назвать фатическими, контактоустанавливающими («Мы открылись»; «Мы вам рады»).

Менее очевидной, однако гораздо более важной чертой современных инструкционно-запретительных надписей является желание их составителей быть непохожими на других, оригинальными, необычными. Наше внимание привлекло объявление, прозвучавшее перед началом спектакля в одном из московских театров: сначала раздались трели мобильного телефона, а потом укоряющий голос сказал уважаемым зрителям, что, как они сами понимают, невозможно работать в подобной обстановке, и попросил отключить звонки на время спектакля. В Южном федеральном университете рядом с надписью «Не курить» — реликтом советской эпохи — читаем и объявление совсем иного плана: «Уважаемые студенты! Прекрасная половина факультета! Убедительная просьба не бросайте окурки в раковину! Найдите им более подходящее место! А лучше — бросайте курить! Ибо минздрав уже устал предупреждать!», — где мы видим и подчеркнуто вежливое (а также льстящее тщеславию прекрасных дам) обращение, и императив вместо категоричного инфинитива из советской поры, и языковую игру (глагол «бросать» употреблен в прямом значении — «ронять» и переносном — «прекращать»), и обращение к прецедентному высказыванию, известному носителям языка («Минздрав предупреждает: куренье — это яд»). На дверях ресторана «Тело» вместо стандартного «Открыто» видим: «Тело доступно». На смену вывеске «Работаем круглосуточно» приходит «Офис 24 часа для удобства наших клиентов». Подобные явления, с нашей точки зрения, свидетельствуют о растущем в русских людях стремлении к самовыражению: авторы таких объявлений больше не желают сливаться с толпой и быть как все, отказываются от готовых формул, клише, не боятся быть оригинальными, непохожими на других, стремятся выделиться на общем фоне. Все менее актуальна мысль, что «я в русском языке и русском сознании — последняя буква алфавита», все чаще «человек звучит гордо». Это проявляется и в использовании в инструкционно-запретительных надписях глагола в форме первого лица единственного числа («Авто прощу не парковать» вместо привычных и безличных «Парковка запрещена» или «Въезд не закрывать»). Подтверждают данную тенденцию и шуточные объявления в общественном транспорте, ставшие столь популярными в последние годы («Купи себе холодильник и хлопай дверь», «Водитель не осьминог — всем сдачу дать не может», «Просьба бананы и прочее

есть вместе с кожурой» и т. д.). В такого рода инструкционно-запретительных надписях мы, как правило, сталкиваемся с языковой игрой, которая создает комический эффект. Он может достигаться за счет намеренного искажения нормы языка: в объявлении «Остановок „здесь“ и „туда“ не существует» мы сталкиваемся с просторечными формами. Другой способ — прием обманутого ожидания, когда в объявлении обыгрываются привычные клише, взятые из традиционных инструкционно-запретительных надписей («Книга жалоб и предложений в соседней маршрутке»). Богатую почву для создания комического эффекта дает полисемия («Не говорите водителю, куда ему ехать, и он не будет говорить, куда вам идти», «Берегите дверь — это ваш единственный выход»). В объявлении «Зайцев не везем. Дед Мозай едет дальше» языковая игра базируется на многозначности слова «заяц» и апелляции к прецедентному тексту, хорошо известному носителям русской культуры (поэме Н. А. Некрасова). Но особенно широко используется в таких смеховых объявлениях неожиданная мотивация («Хочешь жить? Не отвлекай водителя!», «Прижимаясь ближе к соседу, вы дарите надежду людям на остановке»). В целом можно говорить о разрушении в этих призывах привычного представления о социальной роли пассажира и связанной с ним системе поведения. Великий русский филолог М. М. Бахтин говорил о позитивном значении здорового карнавального смеха, который противостоит диктату, идеологии, монологу и навязыванию какой-либо точки зрения. Поэтому такие растущая популярность таких объявлений свидетельствует о важных изменениях в менталитете русских людей: на смену диктату приходит смеховая, игровая культура и, соответственно, раскрепощение людей.

В заключение скажем еще раз, что русские и итальянские инструкционно-запретительные надписи, часто совпадая по содержанию и цели, сильно отличаются по форме. Неслучайным является тот факт, что итальянцы, как и все европейцы, с трепетом относящиеся к свободе личности и ее правам и дорожке всего ценящие ее независимость, избегают строгих и категоричных приказов, предпочитают сообщать, а не запрещать, делают упор на безличные формы, в то время как русские, еще не окончательно расставшиеся с советским тоталитарным прошлым, привыкли видеть вокруг запретительные инфинитивы (или хотя бы выражения вроде «строго запрещено», «категорически воспрещается», которые, хотя потенциально имеют аналоги в итальянском языке, в зарубежных

объявлениях не встречаются). Однако язык, как и жизнь общества, никогда не стоит на месте и непрерывно развивается. Совершенно ясно, что русские инструкционно-запретительные надписи последних лет сильно отличаются как по форме, так и по содержанию от того, что мы видели вокруг себя в советскую эпоху. Нам представляется, что это свидетельствует о важных изменениях, которые происходят в последние десятилетия в нашем обществе, государстве, картине мира. Из Советского Союза с запретительными инфинитивами мы ушли. Куда придем — покажет время.

## ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худож. лит., 1990.
- Бердяев Н. Судьба России. М.: Эксмо, 2007.
- Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М., 2001.
- Вежбицка А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М.: Языки славянской культуры, 1999.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. — М.: Лабиринт, 2008.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 23—31.
- Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. Иная ментальность. — М.: Гнозис, 2007.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ ; Восток-Запад, 2007.
- Рылов Ю. Аспекты языковой картины мира. Итальянский и русский языки. — М.: Гнозис, 2007.
- Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. — М.: Альфа-М ; Инфра-М, 2004.
- Седов К. Ф. Дискурс и личность. — М.: Лабиринт, 2004.
- Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. — М.: Аспект-пресс, 2007.
- Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. — М.: Слово, 2008.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2009.

*Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.*